

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ ВОЛИ В УСЛОВИЯХ НЕСВОБОДЫ. ФЕНОМЕН ВНУТРЕННЕГО ПОБЕГА

Аннотация. В пенитенциарной практике классическое противопоставление «свобода – несвобода» обретает парадоксальную глубину. Тотальное ограничение внешней автономии, вопреки интуиции, нередко становится катализатором экстраординарной внутренней активности, разворачивающейся в пространстве памяти, воображения и рефлексии. В статье на стыке пенитенциарной психиатрии, экзистенциальной психологии и нейробиологии анализируется феномен «внутреннего побега» как сложного, многомерного процесса сохранения субъектности в условиях депривации. Обосновывается, что формирование «внутренней дачи», интимного психического убежища, выполняет не только компенсаторную, но и экзистенциально-смыслообразующую функцию, позволяя человеку удерживать целостность «Я» там, где внешние структуры стремятся эту целостность нивелировать. Выявляются клинические границы этого феномена, за которыми адаптивные механизмы трансформируются в патологические формы аутистического ухода или дереализации. Понимание внутренней свободы как ресурса открывает новые перспективы для реабилитации, смещая акцент с внешнего контроля на поддержку способности к смыслопорождению.

Ключевые слова: пенитенциарная психиатрия, свобода воли, внутренний побег, экзистенциальная психология, депривация, рефлексия, субъектность, реабилитация.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

THE LIMITS OF FREE WILL IN CONDITIONS OF UNFREEDOM. THE PHENOMENON OF INNER ESCAPE

Annotation. In penitentiary practice, the classic opposition between freedom and unfreedom acquires paradoxical depth. Total restriction of external autonomy, contrary to intuition, often becomes a catalyst for extraordinary internal activity unfolding in the space of memory, imagination, and reflection. At the intersection of penitentiary psychiatry, existential psychology, and neurobiology, the article analyzes the phenomenon of «inner escape» as a complex, multidimensional process of preserving subjectivity under conditions of deprivation. It is argued that the formation of an «inner dacha», an intimate mental refuge, performs not only a compensatory but also an existential meaning-making function, allowing a person to maintain the integrity of the self where external structures seek to level this integrity. The clinical boundaries of this phenomenon are identified, beyond which adaptive mechanisms transform into pathological forms of autistic withdrawal or derealization. Understanding inner freedom as a resource opens new perspectives for rehabilitation, shifting the focus from external control to supporting the capacity for meaning-making.

Key words: penitentiary psychiatry, free will, inner escape, existential psychology, deprivation, reflection, subjectivity, rehabilitation.

Введение. Всякий, кто работает в пенитенциарной системе или соприкасается с ней через клиническую практику, рано или поздно сталкивается с феноменом, который трудно объяснить

в терминах привычной дихотомии «свобода – несвобода». Речь идет о том парадоксальном факте, что предельное стеснение внешней свободы, такое как ограничение перемещения, жест-

кая регламентация каждого действия, унификация быта и подчас полное нивелирование приватности, не только не разрушает у определенной категории осужденных способность к автономному существованию, но, напротив, обостряет и укрепляет ее, переводя в иную, внутреннюю плоскость. Этот феномен, который в тюремной субкультуре получил емкое и почти поэтическое наименование «внутренняя дача», представляет собой сложное психическое образование, своего рода убежище, возводимое в пространстве памяти, воображения и рефлексии, куда не проникает надзирающий взгляд и где воля обретает возможность действовать вопреки физическим ограничениям.

Актуальность исследования данного феномена для пенитенциарной психиатрии и психологии трудно переоценить. Традиционная пенитенциарная наука и практика долгое время фокусировались либо на патологических последствиях изоляции, таких как развитие психических расстройств, личностная деградация, синдром тюремной психики, либо, напротив, на социологических аспектах ресоциализации, рассматривая заключенного преимущественно как объект исправительного воздействия. Однако клинический опыт показывает, что внутри самого ограничения рождаются механизмы, которые невозможно свести ни к патологии, ни к пассивной адаптации. Они свидетельствуют о сохраняющейся, а подчас и обостряющейся способности человека к самоопределению, которая находит свои, неочевидные на первый взгляд, пути реализации.

Цель настоящей статьи состоит в концептуальном осмыслении феномена внутреннего побега как психологического и экзистенциального ответа личности на тотальную институциональную регламентацию. Мы исходим из гипотезы о том, что «внутренняя дача» является не просто защитным механизмом, но активным процессом конструирования субъективной реальности, в котором воля, лишённая внешних объектов приложения, обращается на себя, порождая специфические формы рефлексии, темпоральности и смыслообразования. Понимание природы этого феномена позволяет не только объяснить удивительную жизнестойкость некоторых лиц, отбывающих длительные сроки, но и по-новому выстроить стратегии психологической помощи, сделав ставку не на подавление неадаптивных форм поведения, а на поддержку внутренних ресурсов субъектности.

Теоретические основания исследования. Для анализа парадокса, при котором максимальное ограничение внешней свободы становится условием расцвета свободы внутренней, необходимо обратиться к нескольким фундаменталь-

ным традициям в понимании свободы воли и природы человека. Классическая философская антропология, особенно в ее экзистенциалистском изводе, настаивает на том, что свобода не сводима к свободе перемещения или выбора между альтернативами. Как показал Ж.П. Сартр, свобода есть фундаментальная характеристика человеческого сознания, его способность выходить за пределы любой ситуации, полагая себя в проекте. В этом контексте тюремное заключение оказывается лишь одной из фактичностей, которые свобода наделяет смыслом. В. Франкл, развивая идеи экзистенциального анализа, утверждал, что даже в условиях тотальной несвободы концентрационного лагеря человек сохраняет последнюю и неотъемлемую свободу – свободу выбирать свое отношение к обстоятельствам [3]. Эта интуиция получает в пенитенциарной практике множественные подтверждения: именно те, кто способен удерживать смысловую вертикаль, создавать внутренние дистанции по отношению к происходящему, оказываются наиболее устойчивыми к деструктивным эффектам изоляции.

Современная нейробиология дополняет эту картину, демонстрируя, что длительное пребывание в условиях сенсорной и социальной депривации не только не приводит к атрофии нейронных сетей, отвечающих за высшие когнитивные функции, но в определенных случаях стимулирует их компенсаторное развитие. Механизмы памяти, особенно автобиографической, и способность к ментальной симуляции (воображению) активируют те же нейронные контуры, что и реальное действие. Исследования показывают, что у лиц, находящихся в длительной изоляции, активность префронтальной коры, связанной с планированием и рефлексией, может не снижаться, а перераспределяться на внутренние задачи, что клинически проявляется в повышенной интенсивности внутреннего диалога, детализированности воспоминаний и способности к созданию сложных ментальных миров[1].

Важный вклад в понимание феномена вносит отечественная традиция культурно-исторической психологии, в которой высшие психические функции рассматриваются как интериоризованные формы социального взаимодействия. В условиях, когда внешний диалог с миром максимально редуцирован и регламентирован, происходит обратный процесс экстериоризации, вынесения вовне того, что ранее было внутренним? Или, напротив, происходит гипертрофированное развитие внутреннего плана сознания, который начинает выполнять функции, утраченные во внешнем мире. Как отмечает Л.Н. Собчик, в пенитенциарной среде формируются специфические защитные комплексы, которые при всей своей ригидности позволяют сохранить ядерные струк-

туры личности [5]. Эти комплексы нередко принимают форму устойчивых фантазийных образований, выполняющих роль психологического «экзоскелета», подобно тому, как в условиях физического заключения тело ищет опору в ритуале или иерархии.

Наконец, психоаналитическая традиция, особенно в ее постклассических вариантах, обращает внимание на феномен «психологического убежища», описанный Д. Стайнером как особая психическая структура, позволяющая субъекту укрыться от невыносимой реальности и боли контакта [6]. Однако в пенитенциарном контексте это убежище приобретает не только защитную, но и творческую функцию: оно становится местом, где воля, лишенная внешних объектов, обращается на себя, порождая новое качество субъектности. Именно это превращение обороны в конструкцию, пассивного страдания в активное созидание внутреннего мира, и составляет ядро феномена «внутренней дачи».

Феноменология и психологическая структура «внутренней дачи». Клинические наблюдения, а также анализ автобиографических текстов и интервью с лицами, отбывшими длительные сроки лишения свободы, позволяют выделить устойчивые компоненты, образующие этот сложный феномен. Первым и наиболее очевидным является пространственный компонент. «Внутренняя дача» почти всегда имеет детально проработанную топографию. Это может быть реальное место из прошлого, типа дома детства, лес, река, комната, где когда-то жил, или, что особенно интересно, полностью сконструированное, вымышленное пространство, которое тем не менее обладает невероятной сенсорной насыщенностью. Человек знает запах этого места, фактуру поверхностей, звуки, смену освещения в разное время суток. Он может «гулять» по нему, возвращаясь в одни и те же углы, переставляя предметы, осуществляя действия, которые во внешней реальности невозможны. Эта способность к гипертрофированной визуализации нередко развивается до такой степени, что начинает конкурировать с восприятием реальности, но, в отличие от патологических галлюцинаций, она сохраняет критическую отнесенность: человек осознает, где находится на самом деле, и выбирает момент ухода во внутреннее пространство.

Второй компонент – временной. Тюремное время, как известно, структурировано извне и субъективно переживается либо как бесконечно длящееся, либо как остановившееся. «Внутренняя дача» позволяет восстановить нарушенную темпоральность. В ней можно проживать прошлое заново, не просто вспоминая, а реконструи-

руя его в деталях, возвращая себе утраченную непрерывность жизни. Можно, напротив, строить будущее, подробно, шаг за шагом, проигрывая варианты освобождения, встреч, действий. Важно, что эта временная работа не сводится к простому фантазированию; она имеет характер волевого акта, требующего усилия и дисциплины. Многие из тех, кто практикует «внутренний побег» годами, отмечают, что сначала им приходилось буквально «принуждать» себя к уходу в воспоминания или воображение, но со временем этот процесс становился все более легким, превращаясь в отточенный навык.

Третий компонент – социальный. В парадоксальной форме «внутренняя дача» нередко включает в себя присутствие других. Это могут быть значимые люди из прошлого, с которыми ведется диалог, или, напротив, полностью вымышленные собеседники. Психотерапевтический эффект такого внутреннего общения огромен: человек сохраняет способность к диалогичности, к удержанию позиции «другого» в своем сознании, что является одним из ключевых условий сохранения психического здоровья. Более того, во внутреннем пространстве можно восстанавливать нарушенные социальные иерархии, присваивать себе утраченные роли (отца, профессионала, друга), осуществлять поступки, которые во внешнем мире невозможны. Это не столько компенсация, сколько поддержание непрерывности идентичности, которая иначе под угрозой тотальной институционализации оказалась бы разорвана.

Особого внимания заслуживает рефлексивный компонент. Длительное пребывание в условиях ограниченной сенсорной стимуляции и вынужденного бездействия создает уникальные условия для того, что в феноменологии именуется «работой сознания». Лишенный возможности действовать вовне, человек начинает действовать внутри, и объектом этого действия становится он сам. Развивается способность к наблюдению за собственными мыслями и чувствами, их анализу, оценке. Эта рефлексия нередко приобретает гипертрофированные формы, приближаясь к тому, что в восточных практиках называется «созерцанием». Но важно, что она не является пассивной; это именно работа, имеющая свои стадии, усилия, открытия. Многие из тех, кто прошел через длительное заключение, отмечают, что именно в этот период они научились понимать себя так, как не могли бы в обычной жизни, и этот опыт самопознания становился для них непреходящей ценностью.

Клинические границы и риски. При всем психологическом и экзистенциальном значении феномена «внутренней дачи» необходимо отдавать себе отчет в его двойственной природе. То,

что в умеренных формах является мощным адаптивным и даже развивающим механизмом, при определенных условиях может трансформироваться в патологию. Грань здесь определяется прежде всего двумя параметрами: произвольностью ухода во внутреннее пространство и сохранением связи с внешней реальностью.

В клинической практике пенитенциарных психиатров хорошо известны случаи, когда «внутренний побег» перестает быть подконтрольным и превращается в навязчивое, компульсивное ускользание от реальности. Человек все больше времени проводит в своем внутреннем мире, а внешний начинает воспринимать как нечто чужое, враждебное или нереальное. Нарастают явления дереализации и деперсонализации, когда мир вокруг теряет объем, краски, становится плоским и чужим. В наиболее тяжелых случаях формируются бредоподобные структуры, когда «внутренняя дача» начинает восприниматься как единственная подлинная реальность, а тюрьма – как временное и иллюзорное наваждение. Такое состояние уже требует психиатрического вмешательства, поскольку оно лишает человека способности к конструктивному взаимодействию с внешним миром и подготовке к освобождению.

Другой риск связан с тем, что «внутренняя дача» может становиться не ресурсом, а ловушкой, закрепляющей пассивность и неспособность к реальному действию. Если человек научается получать полное удовлетворение от внутренней жизни, у него исчезает стимул что-либо менять в своей внешней ситуации. Это особенно опасно в контексте ресоциализации: подготовка к освобождению требует активного выстраивания связей, планирования, поиска работы, восстановления социальных контактов. Если все эти функции замещены фантазийным удовлетворением, реальная свобода становится не желанной целью, а угрозой сложившемуся внутреннему равновесию. В этом контексте «внутренняя дача» из ресурса превращается в фактор, способствующий так называемому «синдрому отмены тюрьмы», когда освобождение переживается как травматическая потеря привычного внутреннего убежища [2].

Парадоксальным образом именно здесь наиболее отчетливо проявляется онтологический статус внутренней свободы. Она не дана раз и навсегда; она требует постоянного волевого усилия, постоянного выбора в пользу реальности, даже когда реальность жестока. Истинная внутренняя свобода, в экзистенциальном понимании, не в том, чтобы укрыться от несвободы внешней, а в том, чтобы, сохраняя дистанцию и способность к рефлексии, продолжать действовать, выбирать, брать на себя ответственность.

«Внутренняя дача» как психическое убежище становится благом только тогда, когда она служит не бегству, а паузе, передышке, после которой человек возвращается к действию с новыми силами.

Реабилитационные перспективы. Понимание природы внутреннего побега имеет важное значение для разработки психологической помощи в пенитенциарной системе. Если традиционные подходы к ресоциализации фокусируются преимущественно на внешних аспектах трудоустройства, жилья, надзора, то феномен «внутренней дачи» указывает на необходимость работы с внутренним миром осужденного. Более того, он подсказывает направление этой работы: не разрушать или подавлять защитные механизмы, а поддерживать и направлять их, помогая превратить спонтанное, порой компульсивное бегство в осознанную и управляемую способность к внутренней работе.

Особую ценность в этом контексте приобретают методы, основанные на развитии рефлексии и осознанности. Практики осознанности, элементы когнитивно-поведенческой терапии, а также техники ведения дневника и нарративной практики позволяют человеку не только структурировать свой внутренний опыт, но и удерживать различие между внутренним и внешним, фантазией и реальностью. Важно, что эти методы не требуют сложного оборудования и могут быть реализованы в условиях ограниченных ресурсов пенитенциарного учреждения [1].

Не менее значимой представляется групповая работа. В группе осужденные могут делиться своими способами «внутреннего побега», и это обсуждение само по себе выполняет важную функцию: оно выводит интимный, потаенный опыт в пространство диалога, лишает его аутистической замкнутости и позволяет человеку увидеть, что его переживания не уникальны, что они имеют общую человеческую природу. Кроме того, групповая дискуссия способствует развитию способности к децентрации, умению смотреть на себя со стороны, то есть именно тому, что составляет ядро рефлексивной способности.

Наконец, перспективным представляется использование творческих методов письма, рисования, сочинения историй. Они позволяют объективировать внутренний мир, придать ему форму, что снижает риск его неконтролируемого разрастания и отрыва от реальности. Многие осужденные, создающие развернутые тексты или рисунки, отмечают, что этот процесс дает им чувство контроля над собственным воображением, превращая его из захватывающей стихии в инструмент, которым можно пользоваться осознанно.

Заключение. Феномен «внутренней дачи» ставит перед пенитенциарной психиатрией и психологией фундаментальные вопросы о природе свободы, границах человеческой субъектности и механизмах сохранения личности в условиях тотального внешнего контроля. Парадокс, вынесенный в название статьи, обретает в этом анализе конкретное содержание: предельное ограничение внешней свободы действительно может становиться катализатором невероятной свободы внутренней. Но эта внутренняя свобода не дана человеку автоматически; она требует работы, усилия, постоянного волевого выбора. Она не отменяет страдания, но преображает его, превращая из пассивного претерпевания в материал для самосозидания.

Понимание этого парадокса имеет далеко идущие последствия для организации пенитенциарной системы и реабилитационной работы. Если признать, что личность не просто страдает от изоляции, но и может в этих условиях находить ресурсы для своего развития, то задача системы не только минимизировать вред, но и создавать условия, в которых эти ресурсы могли бы быть актуализированы [4]. Это требует сдвига от парадигмы исправления через внешнее принуждение к парадигме поддержки субъектности, уважения к внутреннему миру человека, даже если этот мир возник как ответ на самые жестокие обстоятельства. В конечном счете, настоящая свобода, как учит нас экзистенциальная традиция, не в том, чтобы не иметь ограничений, а в том, чтобы сохранять способность определять свое отношение к ним. И задача пенитенциарной науки и практики не отнимать эту способность, а помогать человеку ее в себе обнаружить и укрепить.

Список литературы:

- [1] Искандаров Р.Р. Биопсихосоциальные и структурные детерминанты химических зависимостей в условиях лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 189–199. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009. EDN: WAXHHN
- [2] Искандаров Р.Р., Дикопольцев Д.Е. Специфические факторы пенитенциарной среды в формировании химических аддикций // Наркология. 2025. Т. 24, № 4. С. 58–63. DOI: 10.25557/1682-8313.2025.04.58-63. EDN: RYVTVX

[3] Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с. (Ориг. изд.: Frankl V. Ein Psycholog erlebt das Konzentrationslager. Wien, 1946.)

[4] Binswanger I.A., Stern M.F., Deyo R.A., Heagerty P.J., Cheadle A., Elmore J.G., Koepsell T.D. Release from prison — a high risk of death for former inmates // New England Journal of Medicine. 2007. Vol. 356, No. 2. P. 157–165. DOI: 10.1056/NEJMsa064115

[5] Sobchik L.N. Psychodiagnostics and differentiated approach criteria in penitentiary psychology // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 83–93. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010

[6] Steiner J. Psychic Retreats: Pathological Organizations in Psychotic, Neurotic and Borderline Patients. London: Routledge, 1993. 162 p. DOI: 10.4324/9780203358971

References:

[1] Iskandarov R.R. Biopsychosocial and structural determinants of chemical dependencies in prison settings//Penitentiary science. 2025. Т. 19, NO. 2 (70). S. 189-199. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009. EDN: WAXHHN

[2] Iskandarov R.R., Dikopoltsev D.E. Specific factors of the penitentiary environment in the formation of chemical addictions//Narcology. 2025. Т. 24, NO. 4. S. 58-63. DOI: 10.25557/1682-8313.2025.04.58-63. EDN: RYVTVX

[3] Frankl W. Man in search of meaning. M.: Progress, 1990. 368 pp. (Orig. изд.: Frankl V. Ein Psycholog erlebt das Konzentrationslager. Wien, 1946.)

[4] Binswanger I.A., Stern M.F., Deyo R.A., Heagerty P.J., Cheadle A., Elmore J.G., Koepsell T.D. Release from prison — a high risk of death for former inmates // New England Journal of Medicine. 2007. Vol. 356, No. 2. P. 157–165. DOI: 10.1056/NEJMsa064115

[5] Sobchik L.N. Psychodiagnostics and differentiated approach criteria in penitentiary psychology // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, NO. 1 (65). S. 83-93. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010

[6] Steiner J. Psychic Retreats: Pathological Organizations in Psychotic, Neurotic and Borderline Patients. London: Routledge, 1993. 162 p. DOI: 10.4324/9780203358971

